

О КРАСОТЕ И КРАСИВОСТИ

Вспоминается передача по саратовскому радио, где одна женщина (музыкальный педагог, дирижёр из Дома искусств), отвечая на вопрос ведущей о моих стихах, говорила: «Вот, например, у неё есть строки: «Ночи чёрный крепдешин в дырах звёзд». В них мало поэтического. А вот если бы «серебряные звёзды» были, я считаю, – для поэта, для музыки это бы лучше звучало».

Да, безусловно, «серебряные звёзды» – красивше. Красивее. Бессмертное «друг Аркадий, не говори красиво!» Уж на что – сноб и фат Тургенев, и то высмеивал эту извечную потребность неискущённых в литературном вкусе людей.

О подобном «Аркадии» рассказывал Георгий Иванов в своих мемуарах о Михаиле Кузmine. Был у Кузмина секретарь по имени Агашка, из семинаристов, но «эстет был отчаянный» и считал себя ужасно «порочным и тонким», в доказательство чего носил лорнет, браслет и клетчатые штаны особого фасона. Как натура тонкая и изысканная, Агашка, писавший под диктовку Кузмина, не мог смириться с простотой его выражений и тайком «наводил стиль»:

– «Женщина подошла к окну», – диктовал Кузмин.

– «Молодая женщина волнующейся походкой подошла к венецианскому окну», – записывал Агашка. Прочитав то, во что превратился роман в результате «редактирования» секретаря, Кузмин пришёл в ужас и выгнал Агашку.

Многие неискущённые в поэтическом деле люди искренне полагают, что поэзия – это когда «красиво», «изячно», «утонченно», («в шумном платье муаровом Вы такая эстетная, Вы такая изящная»), принимая за красоту красоту, приторность, слащавость, что по существу – пошлость. «Довольно людей кормили сладостями, – писал Лермонтов. – У них от этого испортился желудок. Нужны горькие лекарства, едкие истины».

У Бориса Рыжего есть саркастическое стихотворение, навеянное строчками неизвестного автора, выложенными кремом на торте: «Перед вами торт «Букет». Словно солнца закат – розовый... Прекрасен, как сок берёзовый». Автор, видимо, думал, что выразился очень поэтично, не понимая, что эти тошнотворно-сладенькие вирши, адекватные своему сливочному содержанию – воплощение великой пошлости поэзии, вернее, её самозванной сестры, нередко успешно выдаваемой за настоящую. И это не так уж смешно и безобидно, как кажется на первый взгляд.

Вот и мучаюсь в догадках,
отломив себе кусок –

кто Вы, кто Вы, автор сладких,
безупречно нежных строк?
Впрочем, что я – что такого,
в мире холод и война.
Ах, далёк я от Крылова,
и мораль мне не нужна.
Я бездарно, торопливо
объясняю в двух словах –
мы погибнем не от взрыва
и осколков в животах.
В этот век дремучий, страшный –
открывать ли Вам секрет? –
Мы умрём от строчки Вашей:
«Перед вами торт «Букет».

«Но что есть красота? И почему её обожествляют люди?» Уж сколько лет этому стиху Заболоцкого, но многие упорно видят лишь сосуд, его цвет, состав, форму, стоимость и в упор не видят того, что в сосуде. В стихах они ищут не поэзии, а «поэтичности», не подлинной красоты, а эстетизма. Цветаева давно раскусила суть такого «эстетства»: «Эстетство – это бездушие, – пишет она в письме А. Бахраху. – Замена сущности – приметам. Эстетство – это расчёт. Взять всё без страдания, даже страдание превратить в усладу. Дитя, не будьте эстетом! Не любите красок – глазами, звуков – ушами, любите всё душой. Эстет – это мозговой чувственник, существо презренное. Пять чувств его – проводники не в душу – а в пустоту».

У этого «эстетства» есть ещё одно название – снобизм. Есенин своей природной чернозёмной душой чуял подобных снобов за версту и частенько дразнил и издевался над ними в стихах.

Посмотрим – кто кого возьмёт!
И вот в стихах моих забила
в салонный вылощенный сброд
мочой рязанская кобыла.
Не нравится? Да, вы правы –
привычка к Лориган и к розам...
Но этот хлеб, что жрёте вы –
ведь мы его того-с... навозом...

Сколько сейчас развелось поэтических сборников, в которых лишь слова, слова, слова, стремление сказать красивовато и витиевато, так что возникает аллергия на «литературу» в рутинном смысле слова, которую имел в виду Верлен: «Всё прочее – литература». Взыскательный мастер начинает тяготиться подобным «искусством», требует от себя и собратьев по цеху «почвы и судьбы», «дикого мяса стиха».

Вот перед нами лирический герой Геннадия Русакова:

Вот я – тёртый и битый, клекочущий горлом дырчавым,
с липкой влагой подмышек, с облитым страстями лицом,
в этом воздухе вязком, во времени трижды неправом –
и чего оно жмётся, талдычит и смотрит скопцом?

«Не нравится?» – хочется спросить вслед за Есениным. Да, такой автопортрет лирического героя вряд ли придётся по вкусу любителям розовых кремовых строк. «Я осот обмолота, убогое семя, полова», «в сплошной затрапезе, в чумичкиной рвани-одежде». В стихе главное – то, что гораздо выше внешней красоты – это подлинность, правда. А она, как правило, не сладка, а горька на вкус.

...Я дожди мои слышу и пальцами перебираю,
будто вшей возле лампы у бабки в косицах ищу.
Будто я что-то вспомнил и сам из себя выдираю.
От харкотины пятясь, себя на задворках тащу.

Или взять лирического героя Вениамина Блаженного. Синонимы для обозначения этого героя тоже вряд ли порадуют тонкий эстетский вкус: «нищоброд, калека, юродивый, бродяга, блаженный, убогий, калика, изгой, оборванец».

Что же делать, коль мне не досталось от Господа Бога
ни кола, ни двора, коли стар я и сед, как труха,
и по торной земле как блаженный бреду босоного,
и сморкаю в ладошку кровавую душу стиха?

...Пусть устал я в пути, как убитая вёрстами лошадь,
пусть похож я уже на свернувшийся жухлый плевок,
пусть истёрли меня равнодушные ваши подошвы, –
не жалейте меня: мне когда-то пригрелся Бог.

Поэзия – это не журнальные подборки, не «литература». Это жизнь, какой она бывает в лучшие мгновения – не важно, счастливые или печальные. Это то, что поэт вытаскивает нам из огня, в котором сгорают наши дни.

Я верил в дух, безумен и упрям,
я Бога звал – и видел ад воочью, –
и рвётся тело в судорогах ночью,
и кровь из носу хлещет по утрам.

Одним стихам вовек не потускнеть,
да сколько их останется, однако.
Я так устал! Как раб или собака.
Сними с меня усталость, мать Смерть.

(Борис Чичибабин)

Поэзия – это когда «полная гибель всерьёз», когда «на разрыв аорты», это та «волшебная скрипка», от которой «и невеста зарыдает, и задумается друг».

Тот, кто взял её однажды в повелительные руки,
у того исчез навеки безмятежный свет очей.
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

(Н.Гумилёв)

В числе моих любимых также стихи недавно умершей Татьяны Бек, стихи о людях, судьбах и чувствах, которые существуют не только в её душе, но и в реальной действительности, «в мире подлинном и злом». Этот мир «непогож и неудобен. // Не обойти его колдобин, // а ежели и обойдёшь//, то это смерть, поскольку – ложь». Её стихи честны и точны. Они вряд ли потрафят литературным «Аркадиям» и «Агашкам».

Вечно манили меня задворки
и позабытые богом свалки.
Не каравай, а сухие корки.
Не журавли, а дрянные галки.

Улицы те, которые кривы,
рощицы те, которые редки,
лица, которые некрасивы,
и – колченогие табуретки.

Я красотой наделю пристрастно
всякие несовершенства эти...
То, что наверняка прекрасно,
и без меня проживёт на свете!

Вызволить собственную речь из литературной неволи, не стать отголоском безличной литературной стихии, общим местом, культурным планктоном – вот задача, которую для себя решает каждый стоящий поэт.